

Владимир Кунин

Ты мне только пиши...

ФТМ

Владимир Кунин
Ты мне только пиши...

«ФТМ»

1968

Кунин В. В.

Ты мне только пиши... / В. В. Кунин — «ФТМ», 1968

После неудачного трюка цирковой артист Дима Волков оказывается в больнице. Прогноз неутешительный – сильно повреждена рука, грозит ампутация. Диму спасает Гервасий Васильевич – опытный врач, у которого после гибели сына осталась одна отдушина – работа. Со временем два одиноких человека привязываются друг к другу. Трогательная история о том, как чужие люди становятся ближе родственников.

© Кунин В. В., 1968

© ФТМ, 1968

Владимир Кунин

Ты мне только пиши...

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Волков лежал в коридоре хирургического отделения.

В том месте, где стояла его кровать, было совсем темно, и только в конце коридора, на столе дежурной сестры, горела маленькая, приглушенная абажуром лампочка.

В левой руке толчками пульсировала боль. Боль прерывала дыхание, покрывала губы шуршащей корой и сотрясала тело Волкова мелкой непрерывной дрожью. Волков отсчитывал десять толчков и на несколько секунд терял сознание. В себя его приводил далекий свет на столе дежурной сестры, и Волков снова начинал считать.

На десять толчков его хватало...

В какое-то мгновение, кажется, на седьмом толчке, лампа стремительно всплывала вверх, а затем начинала неумолимо двигаться к лицу Волкова, заполняя собой все: пол, потолок, стены и высокие белые двери палат. Весь окружающий мир становился одной только лампой, и Волкову казалось, что теперь он сам несется в это кипящее море света. И столкновение Волкова с этим неумолимым блистающим ужасом рождало десятый болевой толчок, после которого Волков терял сознание. И все начиналось сначала.

Каждый раз, когда сознание возвращалось к нему, он хотел крикнуть сестре, чтобы она потушила эту жуткую лампу, но боялся, что пропустит счет толчков и десятый, самый страшный, придет неожиданно...

И тут Волков услышал, как совсем рядом начала скрипеть дверь. Скрип становился все сильнее и сильнее. Он нарастал медленно и неотвратимо и вдруг почему-то перешел в ровный скрежет танковых гусениц. Острой болью скрежет раздирал барабанные перепонки, и Волкову казалось, что сквозь него идут танки.

«Танки!!! Танки!..» – беззвучно закричал Волков, и грохот моторов и визг танковых траков, скользящих по камням, заполнили его мозг.

Дверь остановилась. Танки исчезли. И в наступившей тишине Волков услышал, как кто-то тихо и отчетливо спросил:

– Как этот?.. Из цирка?

И кто-то в ответ промолчал.

Отец Волкова был посредственный художник и чудесный человек, а мать – веселая, остроумная и немного взбалмошная женщина.

Война застала четырнадцатилетнего Волкова в Териоках, в детском доме отдыха Литфонда, куда устроила его мать через одного знакомого литератора.

В доме отдыха было скучно. Волков слонялся по берегу залива и получал выговоры за опоздание на ужин. И когда началась война и мать примчалась за ним в Териоки, Волков был обрадован тем, что его увозят из этого нудного, пахнущего хвоей дома...

По дороге в Ленинград Волков виделдвигающиеся в разных направлениях войска и дым на горизонте.

Через несколько дней мать испекла ему на дорогу шарлотку с яблоками, посадила в вагон, переполненный теми же самыми литфондовскими детьми, и отправила за Ярославль, в Гаврилов-Ям.

Там Волков познакомился с красивым смуглым мальчишкой с длинными, как у обезьяны, руками. Мальчишка играл в баскетбол и лихо «жал» стойки. Звали его Сашка Рейн. Он был племянником одной известной переводчицы и жил у нее в Ленинграде, на Петроградской стороне. В баскетбол Волков не умел играть, и Сашка его учил.

Так прошло месяца полтора.

К августу в Гаврилов-Ям приехали родители почти всех литфондовских детей и стали увозить их в Среднюю Азию.

Волков был поручен приятельнице матери, жене одного кинорежиссера, которая приехала за своей дочерью. За Сашкой не приехал никто. Волков попросил у жены кинорежиссера сто рублей и ночью вместе с Сашкой уехал в Ленинград.

Дома на Семеновской он застал только отца и домработницу Федосеевну. Отец был огорчен тем, что Волков вернулся в Ленинград. Мать лежала в больнице Эрисмана. У нее был рак легкого, и от Волкова это скрывали.

В начале декабря Волковых вызвали в больницу.

В раздевалке отец схватил халат и побежал на третий этаж в палату. Волков остался сидеть внизу, в приемной. Мать нельзя было волновать, и она не знала, что Волков в Ленинграде, а не в Средней Азии.

В приемной было холодно. Длинная деревянная скамейка с высокой вокзальной спинкой была выкрашена белой краской. Волков сидел на этой скамейке и ни о чем не думал. Он замерз, и ему хотелось есть. Он даже не заметил, как спустился с лестницы отец.

– Сиди, – сказал отец и сел рядом.

Отец посмотрел на Волкова воспаленными глазами и тихо проговорил:

– Ты знаешь, она была все время без сознания, бредила, а потом вдруг взглянула на меня и сказала очень внятно: «Димочку побереги... Димочку...»

А к февралю умерла Федосеевна. Она просто уснула в очереди за керосином. В квартиру Волковых постучал дворник Хабибуллин. Волков открыл дверь, и дворник сказал:

– Иди в лавка, где керосин торгуют. Там твой нянька помер. Скажи папашке, доски у меня есть.

– Зачем доски?! – ужаснулся Волков.

– Как зачем? Гроб делать будем.

И Волков остался с отцом в большой холодной квартире.

Отец работал в газете и пил.

Волков тушил «зажигалки» и ходил с мальчишками пилить дрова. Им платили супом, хлебными карточками умерших и крупой.

Потом отца взяли в армию. Он уехал в редакцию какой-то фронтовой газеты, а Волков поступил работать в артель «Прогресс» учеником штамповщика.

Артель находилась в соседнем доме и до войны выпускала значки ГТО и «Ворошиловский стрелок». Значки крепились на цепочках и напоминали ходики. Теперь в «Прогрессе» делали взрыватели для ручных гранат, и Волков гордился своей рабочей хлебной карточкой.

Иногда отец присылал письма и посылки с консервами. Волков писал ему, что работает на оборонном предприятии и чувствует себя отлично. Ему хотелось в армию, и по ночам он придумывал плохие мужественные стихи.

Однажды, в начале сорок четвертого, приехал отец. Он пополнил, отрастил усы, и Волков еле узнал его.

Отец осторожно погладил его по голове и почему-то очень горько сказал:

– Какой ты большой теперь, сынок...

Они разогрели тушенку и устроили царский ужин. Отец пил спирт и рассказывал Волкову, каким замечательным человеком была его мать.

В квартире было холодно, и Волков затопил маленькую железную печурку с трубой, выходящей в форточку. Это была единственная печь на всю квартиру, и стояла она в детской.

Отец долго смотрел в открытую дверцу печки и вдруг сказал совершенно трезвым голосом:

– Ты прости меня, сынок... давай спать.

Тут же, в детской, Волков постелил отцу на кровати, а сам лег на старую продавленную тахту. Он сразу уснул, словно провалился куда-то.

Проснулся он среди ночи от каких-то странных звуков. Он тихо поднял голову и увидел отца, сидящего на кровати.

Свесив ноги, отец в упор смотрел на фотографию матери, всхлипывал и повторял, раскачиваясь из стороны в сторону:

– Господи, Господи... Милая моя, дорогая... Что же теперь будет?.. Что же мне делать?..

Потом Волков увидел, как отец чиркнул спичкой и закурил папиросу. Он затаился два раза, зло сломал папиросу рядом с пепельницей и глухо и надрывно заплакал...

Волкову захотелось вскочить, броситься к отцу на шею, успокоить его, заставить уснуть, а потом сидеть рядом, сторожа сон единственного близкого ему человека... Но он лежал, боясь пошевелиться. Ему казалось, что, если он сейчас встанет, отцу будет мучительно стыдно своих слез и разговор не получится.

Он видел, как отец налил себе полстакана спирта, залпом выпил и, застонав, стал ходить по комнате. В печке еще тлели угли, и громадная тень отца металась по стенам и потолку. Один раз отец остановился около тахты и невидяще посмотрел на Волкова. Волков сжал зубы и зажмурил глаза. Потом отец повернулся и тихонько лег в кровать.

Волков так и не заснул.

Утром отец поцеловал его, забрал фотографию матери и ушел.

В один из выходных дней Волков поехал на Петроградскую сторону, на площадь Льва Толстого, к Сашке Рейну. Дверь открыла пожилая женщина и сказала, что Саша еще с ноября сорок третьего служит во флоте, на Балтике. Она так и сказала – «на Балтике»...

А в мае пришла повестка и Волкову. К этому времени ему исполнилось семнадцать лет, и у него были большие рабочие руки взрослого человека.

Волков написал отцу, запер квартиру, сдал ключи Хабибуллину и ушел в военкомат.

...Полтора месяца Волков был в учебном батальоне, а потом две недели на формировке в двухстах километрах от линии фронта. Затем их дивизию выдвинули на передний край, и в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое августа три батальона семнадцатилетних мальчишек были брошены в атаку на маленький городишко с нерусским названием.

Было очень страшно, и Волков ничего не понял в этой кромешной тьме и тоже, как все, бежал, стрелял, падал, кричал и опять стрелял.

И когда они ворвались в чистенькие узкие улочки города, Волков увидел первого немца. Немец стоял на фоне горящего дома, прижимал к животу автомат, и из ствола автомата брызгало что-то похожее на бенгальский огонь. В другой руке немец держал гранату с длинной деревянной ручкой. Немец как-то лениво взмахнул рукой и бросил гранату. Она летела, медленно переворачиваясь в свете горящего дома.

Волков бессознательно кинулся вперед, к немцу. Но в это время что-то мягко и сильно толкнуло его в спину, и Волков, удивленно оглянувшись, увидел опадающий куст взрыва. Тогда он лег на землю. Кружилась голова, и очень тошнило. Вокруг стояла тишина, и все, что еще видел Волков, двигалось медленно и плавно, словно он к этому всему уже никакого отношения не имел...

Госпиталь находился в Ленинграде, на Фонтанке, в помещении бывшей школы. Волков лежал в актовом зале у громадного окна. В зале стояло семьдесят кроватей, и это была самая большая и шумная палата.

Рядом с Волковым лежал ефрейтор Остапенко, человек лет сорока пяти, с большими ухоженными усами. Остапенко служил полковым поваром и был ранен при весьма анекдотичных обстоятельствах. Историю его ранения знал весь госпиталь. Он вез обед во второй эшелон и подорвался на mine. Крышкой термоса из-под каши ему вырвало кусок ягоды, и Остапенко шумно страдал...

Остапенко пел украинские песни и учил Волкова жить.

Седьмого ноября в госпиталь приехал член Военного совета фронта наградить раненых и поздравлять их с праздником.

Член Военного совета вошел в актовый зал в коротком халате, накинутом на плечи. После некоторого замешательства ему удалось сказать небольшую речь.

Затем член Военного совета пошел по палате, останавливаясь у каждой койки. За ним везли обыкновенную каталку для тяжелораненых, накрытую куском материи. На каталке были разложены коробочки с орденами и медалями. За каталкой шли адъютанты, врачи, гости.

– Где ранен? – спрашивал член Военного совета.

– В бою под Гречишками...

И член Военного совета вручал награду, прикрепляя ее к рубашке раненого.

– Где ранен?

– В обороне под Сизово, – отвечал раненый.

– Ну что ж, поправляйтесь, товарищ боец, – говорил член Военного совета и пожимал руку раненого.

Когда он дошел до Волкова, то удивленно поднял брови и, подойдя совсем близко, спросил:

– Сколько же тебе лет, милый?

– Семнадцать, товарищ член Военного совета.

– Это где ж тебя так угораздило? – тихо, домашним голосом спросил член Военного совета.

– В атаке на... – Волков запнулся. – Забыл, как его... В общем, ночью.

Член Военного совета грустно покачал головой, взял с каталки медаль «За отвагу» и нагнулся к Волкову:

– На вот, носи... Черт знает что делается!.. Тебе рано воевать, мне поздно... Время такое, что лучше бы его и вовсе не было.

– Это точно, – шепотом сказал Волков и улыбнулся.

Потом член Военного совета подошел к кровати Остапенко и уже весело спросил:

– Ну а ты где ранен, старина?

Остапенко покраснел и напряженно забормотал:

– Да вот, понимаешь, товарищ член Военного совета... Тоже оно, значит, ранен я...

– Тоже в атаке? – попытался помочь член Военного совета.

– Да ведь как сказать... Тоже вроде как бы, понимаешь... Ежели оно смотреть, можно по-разному... – окончательно запарился Остапенко.

Вся палата и врачи давились от тихого хохота.

– Экая ты усатая скромница!.. – сказал член Военного совета и вручил Остапенко медаль «За боевые заслуги».

Когда все кончилось и член Военного совета ушел в другие палаты, актовый зал дрогнул от хохота. Остапенко лежал растерянный, совершенно придавленный своим нелепым наградением. Волкову стало очень жалко его. Но тот вдруг приподнялся и, перекрывая хохот, закричал на весь зал страшным голосом:

– Чего ржете, кобели? Чего ржете-е?! Я еще за нее отработаю! Так отработаю, что чертям тошно станет!

И все замолчали. Остапенко обессиленно опустил на койку и виновато сказал Волкову:

– Вот, понимаешь, какая штука получилась...

В конце декабря Волков выписался из госпиталя. Он шел по Фонтанке, и под его сапогами скрипел снег. От слабости кружилась голова и ноги казались легкими и неустойчивыми.

Он дошел до своего дома, немного постоял и вошел во двор. Двор показался ему очень маленьким, и Волков удивился, вспомнив, как несколько лет назад он научился ездить на велосипеде именно в этом дворе. Он зашел к Хабибуллину и взял у него ключи от квартиры.

– Салям, – сказал Хабибуллин. – Живой, здоровый?

– Живой, – ответил Волков и направился к себе на третий этаж.

Он остановился у дверей своей квартиры и почему-то осторожно вставил ключ в скважину. Машинально он глянул в отверстия почтового ящика и увидел там письмо. Волков вынул нож, подаренный ему Остапенко, открыл ножом ящик и достал письмо.

В сумраке лестницы разобрал только, что «Волкову», и подумал: «Надо будет отцу переслать», а потом плюнул и решил вскрыть конверт. По конверту бежали волнистые линии штампа цензуры.

Волков надорвал конверт и вынул типографский бланк со вписанными чернилами словами.

Это было извещение о гибели отца...

...На рейхстаге Волков расписался четыре раза. За себя, за мать, за отца и за мертвого Сашку Рейна... Постоял немного, подумал и расписался в пятый раз. За Федосеевну.

В июне сорок пятого пришел приказ: «Всех военнослужащих рядового и сержантского состава рождения 1926–1927 годов, имеющих образование не ниже восьми классов, направить в офицерские училища и школы для прохождения дальнейшей службы...»

Волков попал на Урал в военно-авиационную школу.

Целый год Волков ходил в караул и занимался в классах УЛО – учебно-летного отдела. Он изучал радиосвязь, теорию полета, воздушную навигацию, аэродинамику, бомбометание, моторы, стрелково-пушечное вооружение, аэрофотосъемку и многое другое.

Кроме того, Волков занимался акробатикой.

Начальником отдела физической подготовки школы был лейтенант Король, бывший цирковой артист. Это был франтоватый и веселый человек. Он носил хромовые сапоги с белым рантом, широченные бриджи и фуражку с огромным околышем и микроскопическим козырьком. Он нравился радисткам, оружейницам, хронометражисткам и медицинским сестрам. Его сальто, стойки и большие обороты на турнике вызывали уважение и зависть.

Король умел со всеми ладить. С девчонками, служившими в школе, Король разговаривал с небрежной нежностью, с курсантами старался быть в приятельских отношениях, а перед старшими офицерами щеголял прекрасной выправкой и безоговорочной исполнительностью.

Он красиво носил форму, и девицы с танцплощадки принимали его за летчика. Когда же его спрашивали, почему он сейчас не летает, Король туманно намекал на какую-то таинственную историю, в связи с которой он временно должен находиться не в воздухе, а на земле. И тогда его косые полубачки, вылезавшие из-под сдвинутой набекрень фуражки, казались еще более привлекательными, и Король ходил по городку под звон осколков девчоночьих сердец.

Среди молодых курсантов Король сыпал разными мудреными летными словечками, и новички были убеждены, что перед ними ас, случайно пересевший из кабины бомбардировщика в маленькую дощатую комнатку, увешанную спортивными грамотами и уставленную пыльными мельхиоровыми кубками.

Король вел секцию акробатики, а Волков с первых же дней пребывания в школе был избран старшиной секции.

В немногое свободное от караульной службы и занятий в УЛО время Волков тренировался под руководством лейтенанта Короля.

Тренер не мог нарадоваться на своего ученика, а ученик совершенно ясно, до жалости сознавал пустяковость своего тренера как человека вообще, но не мог не отдавать ему должное как профессиональному акробату...

– Как вы себя чувствуете, Дмитрий Сергеевич?

Волков открыл глаза, и боль, все усиливаясь и усиливаясь, снова стала разъедать его тело. Теперь он уже лежал в маленькой, очень светлой комнате, и трое в белых халатах стояли вокруг его кровати, а четвертый – худой старик в очках – сидел рядом на стуле.

– Как вы себя чувствуете, Дмитрий Сергеевич? – повторил старик в очках.

Волков с трудом вдохнул, набрал силы и ответил:

– Хуже некуда...

К своему удивлению, он ответил шепотом, но старик все расслышал и сказал без улыбки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.